

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.
В31 Путешественник из ниоткуда : [роман] /
Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-090338-2

Какие только роли не приходилось играть баронессе Амалии Корф, сотруднице особой службы Его Императорского Величества! В новом деле — о пропавших чертежах, содержащих тайну государственной важности, — ей пришлось перевоплотиться в... впрочем, это пока должно оставаться для всех секретом. Особенно для провинциального полицейского чиновника со звучным именем Аполлинарий Марсильяк. Именно он обнаружил тело человека, выпавшего из петербургского поезда, но чертежей при нем, увы, не оказалось. Более того, на следующий день пропало и само тело! Марсильяку ни за что бы не решить эту головоломку, если бы за дело не взялась несравненная Амалия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090338-2

© Вербинина В., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА I

Собственно говоря, я и сам не знаю, зачем начал писать эти записки. Человек я совершенно обыкновенный и, можно даже сказать, ничем не примечательный. В звании моем нет ничего выдающегося, а проживаю в самом заурядном уездном городке, каких десятки тысяч по всей России. Я не могу похвастаться близким знакомством со знаменитостями, по крайней мере такими, о которых стоило бы писать (к примеру, конокрад Антипка Кривой, с которым я нередко сталкиваюсь по долгу службы, в некотором роде является местной знаменитостью, но вряд ли он достоин чего-то большего, чем несколько сухих строк полицейского рапорта). Я не участвовал ни в каких знаменательных исторических событиях, и великие дела, оказывающие влияние на судьбы мира, вершились не на моих глазах. Кажется, я никогда даже не попадал ни в какие истории, исключая разве что распитие бутылки шампанского по случаю поступления в университет, каковое распитие обернулось для меня разбитым стеклом и мучительной изжогой. И вот он я — сплошное «не», докучная череда докучных отрицаний: не был, не состоял, не подделывал векселей, не проживал по чужому виду на житье, не женат, не богат и ни с какой решительно стороны не интересен. И внезапно оказывается, что мне совершенно не о чем писать.

А между тем — то ли оттого, что без конца идет тихий, морозящий, вынимающий душу дождь, то ли оттого, что

все книги уже давно читаны и перечитаны, а журналы «Нива», «Новое время» и «Осколки» изучены вдоль и поперек, и делать совершенно нечего, и до конца дня еще ох как далеко, — хочется написать что-нибудь неожиданное, яркое, захватывающее, блеснуть оригинальностью мысли и новизною суждений. Но не писать же о дожде, о бесприютном северном лете, о том, что у стекла жужжит монотонно и недовольно муха, что чернила бледны, а мой почерк неразборчив, что мне тридцать два года и в последнее время я все чаще подумываю о самоубийстве.

Дождь, кажется, перестал. Хотел бы я видеть в этом хороший знак, но ведь я же знаю все наперед, и сегодняшний день будет точно такой же, как и все остальные дни. Народ потянется в трактиры, где-нибудь в лавочке, пока приказчик будет любезничать с хорошенькой зашедшей барышней, шустрая старушка стянет аршин сукна, на соседней улице извозчичья лошадь едва не задавит рассеянного гражданина, а тем временем в трактирном чаду разольется гармоника и подерутся двое купцов, которые только что клялись друг другу в преданности до гроба. И опять мне придется подсчитывать число разбитой посуды, выслушивать жалобы трактирщика Власа, призывать к порядку свидетелей и писать очередной никому не нужный протокол.

Тоска! Ах, если бы хоть раз произошло что-нибудь непредвиденное, неожиданное, поражающее воображение! Все, что угодно, только не трактирная драка и не мелкая кража в еще более мелкой лавочке. Хоть бы убийство какое случилось, что ли! Как три года тому назад, когда мешанин Игумнов уходил в пьяной драке свою любовницу, да еще потом так пытался дело представить, будто ее двоюродный брат убил из-за наследства. Но ничего, я его, голубчика, все равно вывел на чистую воду, и хоть он запирался как мог, я неопровержимо установил его вину. После того дела даже городской голова стал со мной здороваться. Два раза поздоровался, а на третий раз...

Что такое, никак шаги в коридоре? Быстрые, начальственные — слишком быстрые для Григория Никаноровича, по правде говоря. Неужели и впрямь что-то произошло? Неужели...

* * *

Все тем же стремительным, по-военному чеканным шагом он вошел в мою комнатку, и сразу же стало казаться, что в ней слишком мало места.

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Ну ты бы, Аполлинарий Евграфович, бросил свои шутки, право...

Григорий Никанорович Рязский — наш исправник. Он господин и повелитель всех обиженных мошенниками приказчиков, всех прохожих, претерпевших урон от чужих лошадей, и купцов, охочих до исправления чужих физиономий посредством рукоприкладства. Ни одно покушение на уголовные уложения в нашем городе не ускользает от его орлиного взора, даром что он путает статьи законов и более разбирается в висте, чем в тонкостях следственного дела. Во всех прочих отношениях Григорий Никанорович представляет собой прямо-таки образец примерного гражданина. Он высок, широкоплеч, носит пышные усы и в своем мундире (который ему весьма к лицу) выглядит не хуже какого-нибудь главнокомандующего. У него серые выпуклые рачьи глаза и добродушная белозубая улыбка. К женскому полу он неравнодушен, и женский пол платит ему горячей взаимностью. Уже лет пять Григорий Никанорович собирается жениться, и уже лет пять это ему никак не удастся, хотя на сорок верст в округе нет ни единой маменьки, которая не мечтала бы видеть свою дочь госпожой Рязской. Но всякий раз что-нибудь да срывается, и исправник, печально вздыхая, говорит, что ему, очевидно, не судьба познать всю сладость брачных уз.

Насколько я знаю, он, впрочем, прекрасно обходится и без них, коротая время то у одной, то у другой вдовушки, которые не требуют от него больше того, что он готов им дать.

Вообще Григорий Никанорович принадлежит к тем людям, которые умеют устраивать свою жизнь, и устраивают ее так, как нужно им. Его послужной список безупречен: исправник всего на три года старше меня, но, уверяю вас, я и за тридцать лет не сумею добиться того, что уже заслужил сей холеный, эlegantный господин. Он умеет всем нравиться, и ему все рады. Ретрограды считают его за своего, но с либералами он всегда держится на либеральной ноге, показывая, что всякие условности не для него. Он ни на секунду не забывает, что я тоже учился в университете, как и он, и шутливо отмахивается, когда я величаю его «превосходительством». Он знает, когда уместно быть фамильярным, а когда — проявить строгость, и я уверяю вас, что никто не может быть представительнее его, когда он распекает проштрафившегося городского.

Обыватели почтительно именуют его «наш полицейстер», и не только из желания польстить, но и потому, что в Григории Никаноровиче и впрямь есть что-то от крупного начальника большого города. Он умеет приблизить к себе, умеет, если надо, держать дистанцию, умеет тонко польстить и вызвать на лесть; о своих заслугах, истинных или мнимых, он умеет промолчать так красноречиво, что обыкновенно получает двойную награду. Почему-то я уверен, что и взятки он берет с таким видом, словно делает одолжение дающему, который должен ощущать неловкость оттого, что посмел побеспокоить своим подношением столь почтенного и респектабельного человека.

Нет, я не отрицаю несомненных достоинств Ряжского: он не плут, не пьяница, не лицемер, не подлец; он по-своему очень умен, хотя ум у него не врожденный, а такой, который везде чего-то нахватался и методично ис-

пользует накопленные знания. При всей своей лени (а в душе исправник страшно ленив, хоть и тщательно скрывает это) Григорий Никанорович умеет производить впечатление самого деятельного человека, и в первую очередь потому, что ловко находит для себя помощников, которые делают за него всю основную работу.

Еще недавно таких помощников было двое — я и Тимофей Столяров, но потом Тимофей обзавелся супругой и уехал в женино имение в Екатеринославской губернии. Случилось это восемь месяцев тому назад, в ноябре 1883-го, и с тех пор я, оставшись в одиночестве, извел бесчисленное количество бумаги и написал множество рапортов о пострадавших прохожих, побитых женах, реже — побитых мужьях, а чаще всего — об украденном имуществе. Некоторое оживление внес приезд к мещанке Евсеевой внука-студента, по слухам, революционера и анархиста, и Григорий Никанорович уже был готов назначить за смутьяном тайный надзор, да тут выяснилось, что студент обратился к богу и готовится поступать в монахи. Монахом он, впрочем, так и не стал, потому что влюбился в цыганку и сбежал вместе с ней. Узнав о том, Григорий Никанорович долго вздыхал и качал головой — должно быть, тоже имел виды на цыганку.

— До чего же непостоянна нынешняя молодежь — никакой основательности! — заметил он, помнится, тогда.

В самом Григории Никаноровиче этой основательности было чуть ли не с избытком, не зря же его обожают женщины, уважают мужчины и даже уличные мальчишки провожают его восхищенными взорами, едва он появляется на улице.

Интересно, почему же я терпеть его не могу?..

— Ну, что новенького, Аполлинарий Евграфович?

— Ничего, Григорий Никанорович.

— Так-с.

Исправник прошелся по комнате, бросил зачем-то

взгляд за окно, убедился, что вид за ним находится на прежнем месте, и на каблуках круто обернулся ко мне.

— А что там со Стариковым?

Илья Ефимович Стариков — бывший помещик, запойный пьяница, не так давно потерявший за долги свое имение и осевший в городе, — два дня назад был задержан за непотребное поведение в нетрезвом виде. По совести говоря, я удивился вопросу, потому что он был не того калибра персоной, чтобы беспокоить представительного Григория Никаноровича.

— Старикова утром отпустили. Он оплатил причиненные трактирщику Фролову убытки.

— Тэк-с, тэк-с.

Григорий Никанорович вновь вперил взор в окно, но лабазы за ним и унылая пожарная каланча, равно как и корявая вывеска «Моды парижские, лондонские и иные прочие от madame Федосеевой» никуда не хотели деваться.

— Отпустили, значит... Гм! То есть он вполне мог это совершить.

Невольно я подался вперед.

— Что совершить, Григорий Никанорович?

— Убийство.

ГЛАВА II

Краткое, звучное, вкусное слово «убийство», которое так обожают все без исключения авторы уголовных романов, вдохнуло жизнь в сырой безнадежный день. Не скрою, я почувствовал нечто вроде прилива сил. В нашем городке приключилось убийство... Значит, для меня еще не все потеряно! Я достал свою записную книжку, куда имел обыкновение заносить все самые важные дела. Последней строкой в ней стояло: «Кража белья у Прасковьи Сыромятиной...» К черту Прасковью!

— Тысяча извинений, Григорий Никанорович. Я ни-

чего не знал, никто мне ни о чем подобном не докладывал. Я готов немедленно приступить к делу.

— Да уж, вся надежда только на вас, — вздохнул исправник, ваяясь на стул. — Полагаю, впрочем, что это дело рук Старикова. Из мести...

— Где произошло убийство? — спросил я, решив до поры не придавать значения обвинениям, не подкрепленным никакими фактами.

— В лепехинском лесу.

Я нахмурился. Когда-то весь лепехинский лес, сама деревенька Лепехино и огромная усадьба с двенадцатью колоннами на фасаде принадлежали предкам Старикова, а потом ему самому. Казалось, что все имущество без особых хлопот перейдет в руки Дмитрия, единственного сына Ильи Ефимовича, но судьба распорядилась иначе. Отличавшийся на редкость склочным характером, Стариков вусмерть разругался с сыном и выгнал его из дому. Через несколько лет жизни, полной нужды и всяческих лишений, Дмитрий повесился в Петербурге, в комнатке на чердаке — ему было нечем платить за жилье, а отец, порвавший с ним все отношения, заявил, что не даст ему ни гроша, и сдержал свое слово. Однако гибель Дмитрия произвела на Илью Ефимовича ужасное впечатление. Теперь он сожалел о случившемся, раскаивался в своем жестокосердии и вдобавок ко всему начал крепко выпивать. Стариков и раньше был склонен к буйству и диким выходкам, а теперь сделался совершенно невыносимым. Люди отвернулись от него, и даже самые преданные друзья предпочли забыть о его существовании. Состояние его пошатнулось, дела пришли в полное расстройство, да и последствия 1861 года¹ не лучшим образом сказались на его благополучии. Финал истории вышел вполне закономерным и логичным: Стариков разорился и вынужден

¹ Имеется в виду крестьянская реформа, одним из последствий которой оказалось постепенное разорение помещиков.

был перебраться в N, а усадьбу вместе с лесом и охотничьими угодьями приобрела семья Веневитиновых. Это были богатые, сытые, уверенные в себе люди, которых в N почему-то сразу же невзлюбили — они были приезжие, откуда-то из Вологодской губернии, муж выдавал себя за дворянина, но для дворянина он слишком хорошо вел дела, а жена его и дочь, как стало достоверно известно из самых надежных источников, выписывали себе платья из самого Парижа. Через несколько дней дочь должна была выйти замуж, а ее жених...

У меня зануло под ложечкой. Григорий Никанорович упорно избегал моего взгляда. Неужели ополоумевший от пьянства Стариков посмел поднять руку на кого-то из членов семьи, завладевшей его имуществом? Ведь недаром же исправник упомянул о мести...

Да уж, кажется, происшествие будет почище, чем убийство любовницы Игумнова!

— Кто жертва? — спросил я, поправляя очки.

Григорий Никанорович замялся, и одно это должно было подтвердить мои самые худшие предчувствия.

— Дело очень деликатное, Аполлинарий Евграфович... Я бы попросил вас проявить крайнюю осторожность.

— Разумеется, разумеется, — нетерпеливо сказал я. — Так как ее зовут?

— Кого?

— Жертву, разумеется. — Непонятливость начальница начала меня раздражать.

Григорий Никанорович вздохнул:

— Вы должны принять в соображение, что жертва занимала в доме Веневитиновых совершенно особое, я бы даже сказал, исключительное положение... Она была любимицей Анны Львовны.

Анной Львовной звали хозяйку дома. Так что, убита одна из горничных? Я терялся в догадках.

— Кхм! — Исправник выразительно кашлянул в кулак. — Непростое дело, крайне непростое, доложу я вам.

— Позвольте мне самому судить, — уже сердито сказал я. — Но вы так и не сказали мне имени жертвы.

И тут Григорий Никанорович удивился:

— Как, разве вы еще не догадались? Это Жужу.

— Жужу?

— Ну да... Любимая левретка Анны Львовны. Сегодня утром она пропала, а через несколько часов ее нашли в лесу. Кто-то задушил несчастное животное... Изверг, истинный изверг! Бедная Анна Львовна вне себя от горя. Мне пришлось пообещать ей, что убийцу непременно отыщут и примут меры. Вы уж постарайтесь, Аполлинарий Евграфович... Если и впрямь виноват Стариков, то с ним церемониться нечего. Обещаю вам, я найду на него управу!

* * *

Сырая, промозглая, отвратительная погода. Хмурое небо низко нависло над лесом, земля под ногами похожа на вязкую кашу.

Жужу! Левретка! Ах, что за невезение!

Где-то на верхушке сосны дробно и рассыпчато затрепал клювом дятел, в другой стороне тоскливо закричала какая-то птица. Холодные капли недавнего дождя и всякая дрянь летят в меня с деревьев, залепляя очки.

Судьба, за что ты так гонишь меня? Неужели ради этого я несколько лет учился в Петербурге? Учился, между прочим, неплохо, лучше многих — а ведь учеба давалась мне нелегко, приходилось голодать, давать копеечные уроки... И все ради того, чтобы в один прекрасный день, будь он неладен, очутиться в промозглом лесу в поисках безвестного злодея, жестоко задушившего какую-то собачонку?

Венец карьеры! Мечта каждого порядочного кандидата прав! Да мои коллеги в обеих столицах прямо-таки лопнут от зависти. Газетчики на улицах будут надрывать-

ся: «Сенсационное происшествие! Убийство собаки Жужу! Ужасная драма в N! Подробности только у нас! Купите, не проходите мимо!»

Я споткнулся и едва не упал. Уже некоторое время я двигался через лес без всякой цели. Злость, душившая меня, все искала выхода и не находила. Проклятый Григорий Никанорович! Проклятый город N! Проклятая моя жизнь!

Как же я надеялся в молодости, как мечтал, что она не будет похожа на тупое, бесцельное существование сотен миллионов... Боже, боже! Ведь есть же где-то и Париж, и Лондон, и залитые тысячью огней театры, и бесшумные кареты на каучуковых шинах, умные лица, разговоры, дающие пищу для души, картинные галереи, дворцы, в каждой мраморной трещине которых застыла морщина веков... Ведь есть же, есть где-то настоящая, неподдельная жизнь, где есть место и красоте, и дружбе, и пленительной мечте... Вечером театр, где играет Сара¹, опера с итальянским тенором, забыл его фамилию, днем работа, имеющая смысл, нужная тебе и окружающим людям, работа, за которую можно снискать уважение и за которую не стыдно, а не это — скучные бумажки, кража белья у прачки, муха, бьющаяся в мутное стекло... Это я — муха, и жизнь моя — стекло, за которым мне грезится сказочный вид... но не попасть мне туда никогда. Слишком прочно стекло, и нет никакой надежды.

«Застрелюсь», — привычно подумал я, счищая грязь с калош. Что ж, оружие у меня есть. Все равно нет никакого смысла изо дня в день видеть все это: мерзкую погоду, «моды парижские и лондонские», сизые лица пьяниц и хитро-подобострастные — мелких воришек. Умереть. Поставить точку. Ну закопают за церковной оградой — так не все ли равно, где гнить? И Григорий Никанорович,

¹ Сара Бернар, знаменитейшая актриса того времени.

сойдась с городским головой Шукиным за вистом, скажет:

— Наш-то... слышали, что выкинул? Не ожидал я от него такого, не ожидал.

— Ну и дурак же он, ваш помощник, — пожмет плечами Шукин. — Сдаете?

Н-да, умереть для того, чтобы какой-то меднолобый болван счел вас дураком, — перспектива не слишком заманчивая, признаюсь. Но для чего же жить? Жить-то для чего?

Я остановился и, протерев очки, огляделся. Деревья обступали меня глухой враждебной толпой. Где-то в вышине тоненько вскрикивала какая-то птица, а через несколько мгновений подавала голос кукушка.

До сегодняшнего дня я и не подозревал, что до такой степени не люблю леса. Возможно, виною тому было состояние, в котором я находился, — не знаю. Чтобы успокоиться, я решил закурить и, достав коробок, стал искать сухого места на одежде, чтобы зажечь спичку. Однако мой сюртук промок насквозь, да и остальное находилось не в лучшем состоянии. И в довершение ко всему с неба вновь начал накрапывать дождь.

Я спрятал спички и отвел душу в крепком ругательстве. Не помогло. На мгновение мне захотелось вернуться в город, арестовать Старикова, заставить его сознаться в убийстве собаки и тем самым покончить с утомительным делом, но я тотчас же отогнал от себя такую мысль.

Когда студент медицины наконец получает право стать врачом, он дает известную клятву, в которой, помимо прочего, есть и слова: не навреди. Так вот, человек, отправляющий правосудие, тоже должен бы давать клятву, подобную врачебной. И там, и тут на карту зачастую поставлены человеческие жизни, и уже задолго до приезда в N я решил, что никогда не стану использовать свое положение для того, чтобы оговаривать невинных.

Итак, получив задание от Григория Никаноровича,